

РУСТАМ СУЛЕЙМАНОВ: «ПОНЯЛ, ЧТО ХОЧУ ОСТАВИТЬ СВОЙ ВКЛАД – КАК ТАТАРИН И МУСУЛЬМАНИН»

Крупнейший коллекционер мусульманского искусства о Марджани и Баки Урманче, тупике «байских отношений» и своем пути к богатству

Московский предприниматель и меценат Рустам Сулейманов — личность в татарском мире легендарная, а выставочные, издательские проекты его фонда Марджани прекрасно известны по всей стране. И с прессой Сулейманов обычно говорит лишь о работе фонда. Но в интервью он рассказал о своем видении состояния культурной среды Казани, жизни в лихие 90-е, «полуиндейском» детстве и о том, почему Татарстан не должен, держась за нефть, продавать душу.

Созданный в 2007 году коллекционером и меценатом Рустамом Сулеймановым фонд Марджани (фонд поддержки и развития научных и культурных программ им. Марджани) — негосударственная общественная некоммерческая организация, деятельность которой воплощает в жизнь идею возрождения и популяризации культурных традиций российских мусульман.

— Рустам Раисович, в конце 90-х вы — уже состоявшийся и состоятельный человек — начали собирать искусство. Как и когда произошел этот импульс к коллекционированию?

— В какой-то момент ты ощущаешь, что достиг определенного статуса, и если к тому же ты считаешь себя человеком образованным и культурным, то начинаешь стремиться к прекрасному. Так и я почувствовал, что хочу в своем доме иметь объекты высокого искусства. Почему? Не знаю. Может, потому, что я знал, что такое музей, что это важное место, где ты получаешь эстетические эмоции и одновременно просвещаешься. Наверное, захотел, чтобы нечто подобное было и у меня дома. Первая вещь, которую я купил, — акварель Валентина Серова, это было в 1999 году.

— Начали с акварели Серова, но затем поняли, что хотите собирать совсем другое искусство?

— К мысли, что надо собирать искусство ислама, я пришел гораздо позже. Какое-то время меня интересовало русское искусство начала XX века. Думаю, многие коллекционеры через это прошли. Но сначала был не очень активным и системным собирателем. Что-то приобреталось домой, что-то в офис. Но если ты коллекционер, то должен задуматься о своей теме. Меня к этому подтолкнула семья. Когда появляются дети, то реальное взросление происходит вместе с ними. Дети заставляют нас задуматься и о самоидентичности, и о том, что ты хочешь им оставить: я не о наследстве, а больше о наследии сейчас говорю. Потом ты понимаешь, что это может распространиться не только на семью и детей, а на больший круг людей.

Так и произошел мой качественный переход. Я понял, что хочу оставить свой вклад — как татарин и мусульманин, сделать свой вклад и в исламское искусство, и в тюркское искусство (эти сферы во многом пересекаются, но каждая имеет свою специфику). Эта задача лежит не просто в области культуры. И национальный, и религиозный вопрос у нас до сих пор непростой. А в конце 1990-х — начале 2000-х ситуация была еще хуже. Сейчас она изменилась, но все равно еще много непонимания и какого-то стереотипного восприятия.

— Поэтому появился фонд Марджани?

— Да. Идея создания фонда появилась в 2006 году. Изначальная идея — создание музея исламского искусства в Москве, ведь мусульмане являются частью России с древних времен и вписаны в ее

культурный код. Подобные музеи есть в Германии, во Франции, в Британии — странах, для которых эта культура является привнесенной мигрантами или жителями колоний. У России же совсем другая история — мусульмане здесь проживают на своих исконных территориях. Конечно, не обошлось без советского наследия, когда отрицалось все религиозное. Несмотря на то, что давно нет Союза, у нас до сих пор нет специализированного музея исламского искусства.

Надо создать не просто музей, а многофункциональную площадку, где нашлось бы место разным жанрам: и традиционному искусству, и декоративно-прикладному, и современному, и иным видам. Необходимо, чтобы музей был также и образовательной площадкой, и местом общения. Надо знакомить и немусульман с культурой и искусством ислама, надо также просвещать самих мусульман.

— Но ваша мечта пока не осуществилась — музея исламского искусства в Москве нет.

— Он появится. Возможно, надо будет объединиться с кем-то. Нужно, чтобы общество само до этого дозрело, а у нас все еще слышны отголоски дикого капитализма 1990-х. Но я уверен, что музей состоится. Каким конкретно образом, сейчас сказать невозможно, но он состоится.

— Вернемся к названию вашего фонда. Почему из всех татарских мыслителей и просветителей выбрали именно Шигабутдина Марджани?

— Марджани, на мой взгляд, первый, кто призывал расширить рамки татарского сознания, если можно так выразиться. Как историк и этнограф он сочетал в себе широту кругозора с изучением татарской идентичности. Его называли татарским Геродотом и отцом нации. Он первым сформулировал, кто такие татары и каков их культурный код, каково их происхождение. Он заложил основы реформаторства. Однако, несмотря на то, что он был человеком консервативного религиозного образования, даже сегодня его взгляды актуальны, а это говорит о том, что он смотрел в будущее.

— Следуя по стопам Марджани, вам и самому хотелось бы как-то реформировать современное общество через искусство? Поэтому у вас в коллекции не только исламское искусство, но и русский авангард начала XX века из Средней Азии, а также современное искусство выходцев из Казани и Уфы, которые, может быть, уже далеки от традиционной живописи и делают совсем другие вещи? Вы расширяете границы?

— Конечно, у нас в коллекции не только исламское искусство. Но у нас не может возникнуть ситуации, чтобы та или иная вещь не имела какой-то связи с исламским регионом. В первую очередь должна быть идентичность художника либо его отношение к этой среде — религиозное, этническое, географическое — неважно, но связь, конечно, должна быть. И произведение, им созданное, всегда может быть иллюстрацией той или иной стороны жизни, о которой мы говорим. Сейчас вообще время междисциплинарных исследований, поэтому важно иметь как можно более разнообразный набор такого бэкграунда, который позволит нам создать как бы стереоскопическую картинку и поможет рассказать о каком-либо явлении, истории, идее наиболее широко.

Фонд Марджани — это в первую очередь образовательный проект, который обращается и к уму, и к сердцу, и к душе... Я считаю, что язык красоты и язык знания позволяют проникнуть в суть вещей и явлений.

— Давайте поговорим о вашем детстве. Где вы родились, в какой семье, в каком городе? Была ли изначально связь с Татарстаном?

— Родился я в Узбекистане, в Ташкентской области, там и вырос, но к Казани и Татарстану имею кровное отношение. История моей семьи довольно типична для послевоенного времени, когда молодые люди в поисках новых горизонтов покидали родные места и ехали в Среднюю Азию. Так поступили и мои родители. Моя мама родом из Черемшанского района Татарстана, а отец — из Кушнаренковского района Башкортостана, это район недалеко от Уфы, поэтому папу можно назвать уфимским татаринном, а маму — условно казанской татаркой. Встретились они уже в Узбекистане.

— **Как они оказались в Узбекистане?**

— Исторически сотни тысяч татар в разное время ехали в Среднюю Азию. Татары, как известно, активно торговали с Востоком и были экономическим посредником между Центральной Россией и Востоком, от Китая и Индии до Средней Азии. Вслед за купечеством потянулись переводчики, учителя, просветители, джаиды — новая волна мусульманского реформаторского движения. Таким образом, было несколько миграционных татарских волн. И к моменту приезда в Узбекистан моих родителей здесь была уже устойчивая татарская среда.

Отец мой служил на Севере, был сверхсрочником, получал все северные надбавки и, как он выражался, «привык к хорошим заработкам». После окончания службы башкирская действительность его несколько разочаровала. Работа, которую ему предлагали, была малоперспективной и малооплачиваемой, а он хотел большего. Младшая сестра моего отца была замужем и уже пару лет жила в Узбекистане, приезжая домой в отпуск, рассказывала, как там хорошо: и климат приятный, и культурная среда близкая, к тому же в военное и послевоенное время в Среднюю Азию потекли инвестиции — там строились шахты, карьеры, заводы, требовались рабочие руки. И отец тоже решил туда перебраться. В конце концов, обосновался в шахтерском городке Янгиабаде, где были урановые рудники. Уран был стратегическим сырьем, и его разработки щедро финансировались. Так что здесь были и заработки хорошие, и перспективы.

Елена Вербина

Печатается с сокращениями